

Д. Джонбекова*, Г. Кучумова

Назарбаев университет, Казахстан, г. Нур-Султан

*e-mail: dilrabo.jonbekova@nu.edu.kz

ЭТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена анализу этических и методологических трудностей проведения полевых исследований в области образования в странах Центральной Азии, а именно в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. На базе эмпирических данных, собранных посредством интервью с зарубежными и местными исследователями, выявленные трудности были распределены на шесть категорий: неразвитая научно-исследовательская культура, ограниченное понимание этики научного исследования, ненадежность вторичных данных, трудности в доступе, выборке и установлении доверия с участниками исследований и обеспечении конфиденциальности их личности, языковые барьеры, а также дилеммы в распространении научных результатов. Хотя выявленные трудности во многом обусловлены политическим, социальным и культурным контекстом стран Центральной Азии, некоторые из них были вызваны небрежностью самих исследователей. В целом, статья вносит вклад в развитие обсуждения этических и методологических проблем проведения исследований, и, тем самым, может быть полезна для исследователей, руководства организаций образования и правительственных структур региона. Проведено 21 интервью с зарубежными и местными исследователями.

Ключевые слова: исследование в области образования, исследования в Центральной Азии, научно-исследовательская культура, этика научного исследования.

D. Jonbekova*, G. Kuchumova

Nazarbayev University, Kazakhstan, Nur-Sultan

*e-mail: dilrabo.jonbekova@nu.edu.kz

Ethical and Methodological Challenges of Educational Research in Central Asia

This paper explores ethical and methodological challenges experienced by educational researchers in undertaking fieldwork in Central Asia, particularly Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. Based on empirical data generated by interviews with international and local researchers, the identified challenges were categorized into six groups: underdeveloped research culture, limited understanding of research ethics, unreliable secondary data, difficulties in gaining access to and selecting participants, challenges in building trust and ensuring confidentiality, language barriers, and dilemmas in disseminating research results. Although these challenges can be blamed on political, social and cultural context of Central Asian countries, some of them were caused by the subjective factors. Overall, the paper contributes to the debates of ethical and methodological challenges encountered by researchers in a non-Western context and, as such, can be useful to researchers, university administration and policy makers of the region. 21 interviews with foreign and local researchers were conducted. The authors offered recommendations for the development of educational researches in Central Asia. Among them: they suggested to take into account the labor costs of lecturers for research activities, improve the quality of scientific and methodological training of young researchers, develop pluralism of scientific methodology, use quantitative, qualitative and mixed research methods; develop ethic boards and their procedures.

Key words: educational research, research in Central Asia, research culture, research ethics.

Д. Джонбекова*, Г. Кучумова

Назарбаев Университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.

*e-mail: dilrabo.jonbekova@nu.edu.kz

Орталық Азиядағы білім беру саласында зерттеулер жүргізудің этикалық және әдіснамалық қиындықтары

Мақала Орталық Азия елдерінде, нақты айтқанда Қазақстан, Кыргызстан және Тәжікстанның білім беру саласындағы далалық зерттеулерді жүргізудің этикалық және әдіснамалық қиындықтарын талдауға арналған. Шетелдік және жергілікті зерттеушілермен сұхбат арқылы

жиналған эмпирикалық мәліметтер негізінде анықталған қиындықтар алты санатқа бөлінді: дамымаған ғылыми-зерттеу мәдениеті, ғылыми зерттеу этикасын шектеулі түсіну, екінші деректердің сенімсіздігі, зерттеуге қатысушылармен қол жеткізу, таңдау және сенім орнатудағы, олардың жеке басының құпиялылығын қамтамасыз етудегі қиындықтар, тілдік кедергілер, сонымен қатар ғылыми нәтижелерді таратудағы дилеммалар. Дегенмен, қиындықтар көп жағдайда Орталық Азия елдерінің саяси, әлеуметтік және мәдени контекстіне байланысты болса, олардың кейбіреуі субъективті факторлардан туындаған.

Тұтастай алғанда, мақала зерттеу жүргізудің этикалық және әдіснамалық мәселелерін талқылауды дамытуға үлес қосады және сол арқылы зерттеушілерге, білім беру ұйымдарының басшылығына және аймақтың үкіметтік құрылымдары үшін пайдалы болуы мүмкін.

Шетелдік және жергілікті зерттеушілермен 21 сұқбат жүргізілген. Авторлар Орталық Азиядағы білім беру зерттеулерін дамыту бойынша ұсыныстар береді.

Соның ішінде: оқытушылардың зерттеушілік іс-әрекеттегі еңбек шығынын есепке алу, жас зерттеушілердің ғылыми-әдіснамалық даярлығының сапасын жетілдіру, ғылыми әдіснамадағы плюрализмді дамыту, зерттеудің сандық, сапалық және аралас әдістерін қолдану; этикалық кеңестерді және олардың рәсімдерін есепке алуды ұсынады.

Түйін сөздер: білім беру саласындағы зерттеу, Орталық Азияның зерттеулері, ғылыми-зерттеу мәдениеті, ғылыми зерттеу этикасы.

Введение

Настоящая статья посвящена изучению опыта проведения исследований в странах Центральной Азии учеными-исследователями в области образования. В частности, статья описывает этические и методологические трудности, с которыми они сталкивались в процессе проведения полевых исследований в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Методы исследования

На основе данных 21 интервью, проведенных с зарубежными исследователями, а также местными исследователями, обладающими международным опытом, статья раскрывает трудности в получении доступа к объектам и участникам исследований, сборе эмпирических данных и распространении научных результатов. Кроме того, статья также отражает опыт авторов в проведении исследований в области высшего образования в регионе. Оба автора имеют большой опыт проведения исследований в Казахстане и Центральной Азии и участвуют в нескольких текущих исследовательских проектах.

Результаты, представленные в статье, могут быть интересны ученым и докторантам, чьи исследования сосредоточены на Центральной Азии. Они могут быть полезны в разработке методологической базы исследования, получении доступа к объектам и участникам исследований, сборе данных и распространении научных результатов. Кроме того, статья может быть интересна для администрации университетов и представителей правительственных структур,

поскольку позволяет лучше понять исследовательскую практику в области образования, а также ознакомиться с рекомендациями по созданию благоприятной исследовательской среды на институциональном и национальном уровнях.

Общая характеристика исследований в Центральной Азии

Научные традиции стран Центральной Азии уходят корнями в Советскую эпоху, когда научно-исследовательская деятельность находилась под контролем Академии наук СССР, которая обладала большой сетью филиалов и отделений, расположенных в Советских республиках (Salmi & Froumin, 2007) [1]. Исследования Советского периода были сосредоточены в первую очередь на удовлетворении потребностей пятилетних планов экономики (Korol, 1957) и требований военной и космической промышленности (Salmi & Froumin, 2007) [2-3]. Часто исследования Советского периода критиковали за политизированный и редуционистский подход, а также за отсутствие строгих эмпирических данных (Shamatov, Schatz, & Niyozov, 2010) [4]. Это особенно проявлялось в социальных и гуманитарных науках, а также в генетике, психотерапии и некоторых программах в области образования. Коммунистическая партия строго следила за соблюдением ее идеологических убеждений (De Witt, 1955), а с целью обеспечения политической ортодоксальности считала теории и интерпретации, идущие в разрез с ее идеологией, «ретроградными или подрывными» (Heuneman, 2007; p. 311) [5]. Строгий репрессивный политический контроль препятствовал не только развитию, но также влиял на качество исследований в этих научных областях. Относительно слабо развитый

исследовательский потенциал Советских Республик объяснялся также и тем, что большинство исследовательских центров и высококвалифицированных специалистов находились в то время на территории России (Niyozov & Bahry, 2019) [6]. Например, исследования в области образования проводились под эгидой Академии педагогических наук СССР, располагавшейся в Москве (Grant, 1968) [7], в связи с чем, исследования, проводившиеся в регионах, были ограничены и часто представляли собой размышления преподавателей об их собственных стратегиях и практиках преподавания.

После распада Советского Союза в 1991 году научно-исследовательский потенциал постсоветских республик значительно ухудшился из-за тяжелого финансового кризиса, который пагубно отразился на научно-исследовательских институтах (Ahn, Dixon, & Chekmareva, 2018; Karakhanyan, 2018; Smolentseva, 2003) [8-10]. Снижение финансирования привело к потере научно-исследовательских кадров. Ученые уходили работать в частные научно-исследовательские компании (Oleksiyenko, 2014) или же эмигрировали в страны с более высоким уровнем жизни и возможностями заработка (Ganguli, 2014; Graham, 1994; Kataeva & DeYoung, 2018) [11-14].

Сегодня национальные правительства стран Центральной Азии подчеркивают важность науки для улучшения системы образования, продвижения передового опыта и информирования государственных реформ и преобразований (Nazarbayev, 2014; Rahmon, 2014; Sputnik, 2016) [15-17]. В этой связи, для усиления научно-исследовательского и инновационного потенциала Казахстан реализовал несколько реформ, направленных на усовершенствование схем финансирования исследований, создание современной исследовательской и инновационной инфраструктуры в ведущих университетах страны и повышение качества подготовки ученых-исследователей следующего поколения (Kuzhabekova & Lee, 2020) [18]. Несмотря на то, что страны Центральной Азии выражают приверженность к развитию науки, жесткий контроль, нехватка преподавателей с исследовательским потенциалом, разделение науки и преподавания, недостаточная подготовка в области методологии научных исследований, сокращение финансирования, нехватка литературы, отсутствие оборудования и эффективных методов управления научной деятельностью привели к деградации науки в Центральной Азии (Ahn et al., 2018; Kuzhabekova

& Mukhamejanova, 2017; Kuzhabekova & Ruby, 2018; OECD, 2017; Shamatov & Issenova, 2016; Sievers, 2003) [8, 19-23]. Эта ситуация, несомненно, негативно повлияла на состояние науки в области образования и опыт исследователей, проводящих научные проекты в этой области в Центральной Азии. В следующем разделе представлены трудности, с которыми столкнулись исследователи при реализации научно-исследовательских проектов в области образования в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Трудности в проведении исследований в области образования в странах Центральной Азии

Согласно анализу собранных данных, исследователи, принявшие участие в интервью, находят процесс проведения исследований в Центральной Азии интересным и успешным, но в то же время довольно сложным. Хотя трудности, с которыми они сталкивались, варьировались в зависимости от темы и объекта исследования, а также между зарубежными и местными исследователями, большинство из них было связано в первую очередь со временем, которое требовалось для получения доступа к объектам и участникам исследований, а также с многочисленными бюрократическими правилами. Выявленные трудности были разделены на шесть категорий, представленных ниже:

Результаты и дискуссия

Слабо развитая научно-исследовательская культура

Согласно ответам исследователей, причиной длительного процесса получения доступа к объектам и участникам исследования является слабо развитая научно-исследовательская культура в странах Центральной Азии, связанная с недостаточным пониманием важности участия в исследованиях бытующим в этих странах. Недостаточное понимание важности исследований становится очевидным, когда процент ответов на опросы, рассылаемые по электронной почте, чрезвычайно низок, когда люди отказываются принимать участие в исследовательском интервью из-за своей незаинтересованности или когда участники предоставляют недостоверные данные. Слабая вовлеченность населения в проводимых исследованиях объясняется несколькими причинами. Во-первых, отсутствием у участников общего видения и чувства сопричастности к процессу изменений. Многие участники считают, что результаты исследований остаются лишь на бумагах и не приносят ощутимых изменений

в реальной жизни. Во-вторых, многие участники, стремясь защитить себя, часто делятся лишь положительным опытом в отношении исследуемого вопроса (Mikayilova & Kazimzade, 2017) [24].

Анализ данных также показал, что помимо отсутствия у национальных правительств возможностей использовать результаты исследований для проведения политических реформ и преобразований (Kuzhabekova & Almukhambetova, 2019; Niyozov & Bahry, 2019) [25-26], исследования, основанные на качественной методологии, часто кажутся новыми и недостаточно понятными в странах Центральной Азии. Результаты качественных исследований не всегда считаются точными и достоверными по сравнению с крупномасштабными количественными исследованиями, в особенности представителями правительственных структур. Эти факты также указывают на слабую развитость научно-исследовательской культуры в рассматриваемых странах. Кроме того, исследователи упоминали, что в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане исследовательское интервью часто понимается как журналистское, что вызывает обеспокоенность участников о их конфиденциальности и, в результате, затрудняет выявление их настоящих взглядов, а иногда даже получение их согласия на участие в исследовании. Для привлечения населения к участию в исследовании исследователи были вынуждены уделять много времени и усилий на объяснение цели исследования и процедуры исследовательского интервью. Это делалось для того, чтобы потенциальные участники знали и понимали свои права в рамках исследования. Незрелость научно-исследовательской культуры в Центральной Азии также можно объяснить недостаточным знанием методологии научного исследования преподавателями вузов, а также низким качеством научно-методологической подготовки в рамках академических программ магистратуры и докторантуры (Kuzhabekova, 2020; Shamatov & Issenova; 2016) [24-25].

Ограниченное понимание этики научного исследования

По мнению исследователей, университеты Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана обладают ограниченным пониманием этики научного исследования, и это неудивительно, поскольку это понятие заимствовано из Запада (Wall & Overton, 2006). Так, например, в Казахстане и Узбекистане понятие этики исследования в основном распространено среди медицинских уни-

верситетов, которые начали продвигать знания в области этики научного исследования, иначе биоэтики, среди своих студентов, преподавателей и исследователей в 2000-х годах (Chaschin et al., 2008) [28]. Однако зачастую, в частности за пределами биомедицинских исследований и исследований, основанных на клинических испытаниях, это понятие воспринимается лишь как академическая честность. К такому же выводу пришли и Strosberg, Gefenas, Loue, и Philpott (2013) [29], которые отметили, что в посткоммунистических странах, в том числе в странах Центральной Азии, принципы научной этики в основном используются в биомедицинских и клинических исследованиях, но мало известны в социальных науках. Схожее положение дел было обнаружено и в странах Балтии, где при университетах отсутствуют комиссии по проведению этической экспертизы исследовательских проектов в социальных науках, включая проекты с высоким риском для участников или же затрагивающие деликатные темы (Gefenas et al., 2010) [30]. Ограниченное понимание этики исследования отражается в том, что в странах Центральной Азии лишь несколько университетов, в основном с международным исследовательским персоналом, проводят этическую экспертизу иницируемых научных проектов и, соответственно, проводят исследования в соответствии с принципами научной этики. Настоящее положение дел, наталкивает на мысль о том, что принципы этики научного исследования не всегда соблюдаются в проведении исследований в странах Центральной Азии.

Из-за отсутствия процедуры этической экспертизы в большинстве университетов Центральной Азии зарубежные исследователи получают разрешение на проведение исследований в своих зарубежных вузах, в то время как местные исследователи получают разрешение в своих вузах, где недавно были введены соответствующие механизмы этической экспертизы. Однако, участники считают, что по сравнению с процедурами этической экспертизы в университетах, где они получили докторскую степень (Великобритания, США, Канада), система проведения этической экспертизы в их нынешних вузах является излишне длительной, требует слишком большого количества документов, а в некоторых случаях даже замедляет реализацию проектов. Отсутствие процедуры этической экспертизы научного проекта в университете, где планируется проведение исследования, также увеличивает процесс получения доступа к этому вузу.

Администрация университета, которая не всегда может иметь достаточное понимание природы исследований в области образования, обычно не решается брать на себя ответственность за предоставление доступа, если нет одобрения со стороны соответствующего отдела или комитета, проверяющего инициируемое исследование на соблюдение принципов научной этики.

Кроме того, исследователи отметили, что отсутствие практики этики научного исследования часто выливалось в незнание участниками исследований понятия информированного согласия. Такие же результаты были опубликованы в ранее проведенном исследовании в Центральной Азии и Замбии (Katsui & Koistinen, 2008) [31]. Согласно нашим данным, участники исследований выражали обеспокоенность при подписании формы информированного согласия, поскольку боялись, что их подпись может помочь их идентифицировать. В этой связи, во многих случаях исследователи получали только устное согласие участников. Выражение беспокойства и подозрения по поводу формы информированного согласия также объясняется культурными особенностями, а именно, что «в обществе, которое считает слово человека священным, требование подписи или записи беседы может считаться оскорблением» (Wall & Overton, 2006, p. 64) [27].

Проблема доступности и надежности вторичных данных

Еще одна проблема, с которой столкнулись ученые при проведении исследований в области образования в трех странах, связана с ограниченным доступом к вторичным данным. Несмотря на то, что некоторые данные о системе образования являются публичными и представлены в электронной форме, зачастую доступ к ним ограничен. Более того, даже когда исследователи получают необходимые вторичные данные, они не всегда достоверны. В некоторых случаях данные Министерства образования не совпадают с данными департаментов образования регионального уровня или с данными, представленными международными организациями (например, Всемирным банком или ЮНЕСКО). Похоже, что манипулирование и фильтрация данных, существовавшие в советский период (Niyozov & Bahry, 2019), продолжается и сегодня (OECD, 2017). Таким образом, ограниченный доступ к вторичным данным, их недостоверность и несопоставимость часто вынуждают исследователей менять тему или методологию научного проекта. Этот факт также может быть причиной проведения ограниченного количества количественных

и крупномасштабных исследовательских проектов в регионе. Кроме того, недостоверность вторичных данных проявляется в переводе национальных образовательных программ, законов и стратегий на иностранные языки. В связи с чем, эта проблема чаще всего упоминалась зарубежными исследователями, которые не могли проверить качество перевода документов. С аналогичными проблемами столкнулся Kutsyuruba (2017) [32] на Украине, где он обнаружил, что перевод некоторых программных документов был неполным и в некоторых случаях даже вводил в заблуждение (p. 207).

Трудности с доступом к участникам и их выборкой

Получение доступа к объектам и участникам исследования оказалось одним из самых сложных этапов в проведении исследований в Центральной Азии. Этот этап занимал длительный период, требовавший официальных писем, длительных переговоров и ожиданий разрешений от ряда людей и организаций. К ним могли относиться учителя и преподаватели, руководство организаций образования, а иногда даже Министерство образования. Для получения доступа к объектам и участникам исследований, ученые в основном прибегали к помощи своих коллег, друзей или же использовали свои профессиональные контакты. По мнению исследователей, такой бюрократический процесс получения доступа препятствует реализации научного проекта в рамках запланированного периода. Однако исследователи утверждали, что без получения официального разрешения от школы, университета или Министерства образования участники боялись бы говорить из-за страха наказания или даже потери работы. Проблемы с доступом к объектам исследования были также выявлены и в других странах, например во Вьетнаме, где для получения разрешения на проведение полевых исследований исследователям требовалась «красная печать» как «доказательство того, что они прошли через соответствующие административные каналы, сверху вниз» (Scott, Miller, & Lloyd, 2006, p. 31) [33].

Долгий процесс получения доступа к объектам исследования и выбора участников объясняется и другими причинами. Во-первых, люди не хотят участвовать в исследованиях, потому что не видят пользы от своего участия. Более того, иногда у них возникает ощущение того, что исследователи используют их для собственного продвижения по службе, что, соответственно, вызывает у них серьезное недовольство. В этой

связи De Soto и Dudwick (2000) [34] писали, что исследователи, которые не вступают в диалог со своими участниками, заставляют их чувствовать себя так, как будто из них «выжали все соки» (р. 88-89). Во-вторых, контактная информация, такая как адреса электронной почты и номера телефонов администрации и преподавателей, не регулярно обновляется на веб-сайтах университетов, что также затрудняет доступ к участникам. В-третьих, у зарубежных исследователей сложилось мнение, что в странах Центральной Азии все еще существуют подозрения и предубеждения в отношении западных ученых, а также некие идеологические и национальные предубеждения, которые существовали в советское время (Chankseliani, 2017) [35], что также затрудняет процесс получения ими доступа к объектам и участникам исследований.

С трудностями в получении доступа к объектам и участникам исследований также чаще сталкиваются местные исследователи, которые только начинают свою карьеру, например, докторанты. Являясь начинающими исследователями, они не обладают широкой сетью профессиональных контактов, которыми они могли бы воспользоваться для получения доступа. Вот почему зачастую они вынуждены тратить огромное количество времени и сил лишь для того, чтобы получить возможность рассказать о своем исследовании и плане сбора данных руководству организации образования. К сожалению, бывают и случаи, когда сами участники неожиданно без предупреждения отменяют запланированное интервью, пренебрегая временем исследователей, что вынуждает последних вносить изменения в план и сроки своих исследований. Наконец, получение доступа зависит также и от ожиданий лиц, предоставляющих доступ, за так скажем «предоставленную услугу». Так, например, их ожидания могут быть связаны с включением их в список соавторов будущей публикации или получением поддержки и помощи в налаживании сотрудничества с вузом исследователя.

Необходимость получения одобрения и разрешения от множества лиц для получения доступа к объектам и участникам исследования, несомненно, вызывает различные этические и методологические проблемы. Получение доступа через официальное разрешение часто приводит к отсутствию возможности проведению самостоятельной выборки участников. Например, администрация в школах обычно вмешивается в процесс исследования, назначая для интервью своих лучших учителей и учеников.

Такое вмешательство в исследовательский процесс объясняется тем, что директора школ хотят создать положительное впечатление о своей школе. Однако это также указывает на их непонимание природы исследований, неразвитость научно-исследовательской культуры и незнание как использовать результаты исследований. Наконец, выборка участников также затрудняется в связи с ограниченной и нерегулярно обновляемой информацией на веб-сайтах университетов. Иначе, исследователи не имеют возможности познакомиться с участниками и отобрать их до посещения самого вуза. Проблемы с доступом и отбором участников приводят также к важным вопросам этики исследования, а именно есть ли у учителей и учеников выбор не принимать участие в исследовании и как сохранить конфиденциальность личности участников.

Языковой барьер

Так как население стран Центральной Азии многонациональное и говорящее на разных языках, исследователи были вынуждены собирать данные как минимум на двух языках. Отсутствие необходимых языковых навыков создавало серьезные проблемы для исследователей, особенно для зарубежных. Причины этого кроются в том, что, во-первых, в Центральной Азии довольно сложно найти переводчика, который свободно владеет как минимум тремя языками – английским, русским и национальным языком. Во-вторых, зависимость от переводчика иногда затрудняла получение достоверной информации. Все зарубежные исследователи подчеркивали, что переводчики не были беспристрастны, а иногда даже были избирательны в том, что и как они переводят. В-третьих, поиск эквивалентного перевода терминов и концепций, заимствованных из зарубежной литературы, был сложной задачей для всех исследователей. Некорректно переведенные и не апробированные вопросы интервью и опросов приводили к непониманию сути вопросов участниками исследований и, как следствие, являлись одной из причин низкого процента ответов. Возникшие трудности в этой связи наводят на мысль о том, что они были вызваны небрежностью самих исследователей, а точнее их недостаточно серьезным отношением к разработке инструментов сбора эмпирических данных.

Угроза конфиденциальности

Обеспечение конфиденциальности личности участников требует много внимания и усилий исследователей, работающих в соответствии с принципами этики научного исследования.

Обеспечить конфиденциальность личности в Центральной Азии нелегко из-за культурных особенностей местного населения и его коллективного характера. Необходимость получения официального разрешения для доступа к объектам и участникам исследований от министерств, департаментов образования, руководителей университетов и школ ставит под угрозу конфиденциальность участников. Чем больше людей вовлечено в процесс предоставления доступа, тем сложнее обеспечить конфиденциальность участников исследований.

Кроме того, проблемы с обеспечением конфиденциальности участников часто возникают в связи с небольшой территорией сообщества, в котором проводится исследование, например, в сельской местности или же в школах и университетах с маленьким кампусом. Исследователи также упоминали, что они затруднялись в организации интервью с преподавателями вузов, поскольку у них нет собственных кабинетов. Вместо этого они делят один кабинет с другими коллегами. По этой причине исследователям часто приходилось проводить интервью рано утром или после работы, что не всегда было удобно для участников.

Обеспечение конфиденциальности участников также зависит от языка, на котором говорят исследователи, и используемых ими научных методов. Не секрет, что зарубежные исследователи, а иногда даже и местные исследователи, недостаточно владеют языком, на котором говорит местное население. Отсутствие знания языка требовало от исследователей привлечения переводчиков или научных ассистентов. В таком случае, для обеспечения конфиденциальности участников исследователи были вынуждены принимать дополнительные меры, а именно объяснять переводчикам и ассистентам этику научного исследования. Точно так же проведение фокус-групп в обществах со слабо развитой научно-исследовательской культурой ставило под угрозу конфиденциальность участников, что вынуждало исследователей выбирать другие инструменты сбора эмпирических данных, а также более тщательно размышлять над страновым контекстом, чтобы найти наиболее эффективные способы обеспечения конфиденциальности участников (Wall & Overton, 2006).

Сложности в построении доверия

Установление доверия с участниками имеет решающее значение для успешного исследования. Однако в Центральной Азии это не всегда легко. По словам исследователей, участники

склонны говорить в основном о положительном опыте и боятся критиковать что-либо. Самоцензура считается самой высокой среди высших должностных лиц в правительстве и университетах. Недостаток доверия у участников объясняется их восприятием западных исследователей как «шпионов». В этом отношении необходимо упомянуть инцидент, произошедший в 2014 году, когда ученого из Канады, проводившего исследование в Таджикистане, задержали, обвинив в шпионаже (The Guardian, 2014) [36]. Этот случай вызвал серьезное беспокойство среди исследователей по всему миру. Кроме того, недоверие участников, по мнению исследователей, выражалось в их ответах, лишенных критики из-за страха возможного наказания. Исследователи упоминали, что, когда они не записывали интервью, их участники говорили более свободно. Аналогичные данные отражены в работе Wall и Overton (2006), которые отмечали, что «диктофоны неуместны в обществе, в котором широко распространены политические репрессии и культура «ГУЛАГа» (p. 64).

Некоторые же исследователи считали, что причина отсутствия критики в словах их участников кроется не в страхе, а в воспитании. Они объяснили, что советская система учила людей быть патриотами своей страны, и отчасти благодаря такому воспитанию представители старшего поколения в основном говорят о положительном опыте и достижениях.

Дилеммы в распространении научных результатов

Последняя в этой статье, но не менее важная проблема при проведении исследований в Центральной Азии связана с распространением научных результатов. С этой проблемой сталкивались как зарубежные, так и местные исследователи; однако среди местных ученых, в особенности Казахстана и Таджикистана, это беспокойство было выражено сильнее.

Проблема с распространением научных результатов связана с дилеммами, с которыми сталкивались исследователи относительно того, какую тему и какие результаты освещать в своих статьях. Исследователи, особенно местные, считали, что содержание статей может отрицательно сказаться на их карьере и жизни. В этой связи, многие исследователи признались, что они не решались затрагивать определенные темы в своих статьях или же старались несильно критиковать местные системы образования. Данная ситуация напоминает опыт исследователей, которые работали в других странах Центральной Азии и ко-

торые были вынуждены опускать определенную информацию в своих статьях ради собственной безопасности и безопасности своих участников (Veldwisch & Jan, 2008) [37]. Важно также отметить, что дилеммы, возникающие при распространении научных результатов, существуют и за пределами Центральной Азии. Как отмечали многие исследователи, избирательность в представлении результатов исследования является обычным явлением. Так как в каждой стране существует собственная политика, исследователи вынуждены выбирать те методы распространения научных результатов, которые не ставят под угрозу их собственную безопасность и безопасность их участников.

Заключение и рекомендации

В этом разделе мы подводим итоги по основным трудностям, с которыми сталкивались исследователи в процессе проведения исследований в области образования в Центральной Азии, а также предлагаем рекомендации по их устранению. Согласно представленным выше результатам, в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане работа исследователей затруднялась чрезвычайно долгим процессом получения доступа к объектам и участникам исследований. Этот процесс полон формальностей и бюрократии, требует прохождения через множество кабинетов для получения официального разрешения на проведение исследований, даже в том случае, когда в исследовании разрешение вообще не требуется. Результаты также показали, что местное население, как правило, неохотно участвует в исследованиях из-за недостаточного понимания важности проведения исследований. И это неудивительно, так как исследования часто остаются только на бумаге и не приводят к реально ощутимым изменениям. Кроме того, участники не всегда имеют доступ к результатам исследований, в которых они были задействованы. Это происходит, потому что зарубежные исследователи и местные исследователи с международным опытом обычно публикуют свои работы в международных журналах и на иностранном языке, а представители правительственных структур редко используют научные результаты для разработки соответствующих политических реформ и преобразований. Данную ситуацию можно улучшить, развивая у местного населения, образовательных учреждений и представителей власти научно-исследовательской культуры.

Соответствующая международным стандартам научно-исследовательская культура, как правило, создается активными исследователями. Для этого ученые-исследователи должны работать в адекватной исследовательской среде, способствующей проведению качественных исследований. Так, для развития исследовательской культуры исследователям, работающим в Центральной Азии, необходимы адекватные ресурсы, финансирование и инфраструктура. Учебная нагрузка в вузах должна учитывать трудозатраты преподавателей на исследовательскую деятельность. Кроме того, для повышения научно-исследовательской культуры в Центральной Азии также важно обеспечить высокое качество научно-методологической подготовки начинающих исследователей. Научно-методологическая подготовка молодых исследователей должна бороться с односторонним позитивистским подходом к исследованиям, развивать плюрализм научной методологии и поощрять использование различных научных методов, включая количественные, качественные и смешанные методы.

Более того, исследовательская культура развивается тогда, когда участники исследований видят, что их голоса учитываются при разработке или внесении изменений в соответствующие государственные реформы. Соответственно, исследователям и правительственным структурам следует приложить больше усилий, чтобы повлиять на применение результатов исследований в принятии политических решений и улучшении профессиональной практики. Лица, определяющие курс политических преобразований, следует научить разрабатывать реформы и нормативные акты на основе научных результатов. Исследовательская культура также будет развиваться, если участники исследований получат больше доступа к результатам исследований, в которых они участвовали. Такой доступ позволит им принимать решения по улучшению собственной профессиональной практики. Однако для того, чтобы результаты исследований стали доступными для участников из Центральной Азии, недостаточно публиковать статьи только в международных журналах. Исследователям необходимо использовать различные стратегии распространения своих научных результатов. Например, они могут публиковать свои труды в местных журналах и на языке, на котором говорят участники исследований, делиться результатами исследований в социальных сетях через соответствующие сообщества и группы, а также

включать результаты исследований в свои лекции в университетах Центральной Азии.

Немаловажным фактором в развитии научно-исследовательской культуры является минимизация наследия слежки и цензуры. Другими словами, исследования, нацеленные на повышение качества политических реформ и их реализацию, должны проводиться в открытом диалоге. Построение открытого диалога в Центральной Азии во многом зависит от тех, кто находится у власти, то есть от правительственных структур и руководства вузов. Эти люди могут проявить инициативу в продвижении научно-исследовательской культуры, внедряя политику «открытых дверей» в своих учреждениях или проводя открытые обсуждения успехов и неудач образовательных реформ и практик.

Результаты проведенного исследования также указывают на то, что исследователи в области образования столкнулись с методологическими и этическими проблемами. Эти проблемы, хотя и обусловлены политическими, социальными и культурными особенностями стран Центральной Азии, также объясняются ограниченным пониманием этики научного исследования. В Центральной Азии принципы и процедуры этики исследования редко обсуждаются за пределами биомедицинских и клинических исследований. Это ведет к проблемам при выборке участников или замешательству участников при подписании информированного согласия. Это также ограничивает применение некоторых методологических подходов и инструментов сбора данных, а также поднимает вопросы обеспечения конфиденциальности участников. Для разрешения этих проблем необходима работа по развитию этики научного исследования в странах Центральной Азии. Важно понимать, что применение этической экспертизы «зависит не от того, проводится ли исследование в области здравоохранения, а от характера рисков, связанных с исследованием» (Gefenas, 2010, p. 439). Знание и соблюдение принципов этики научного-исследования также важно для обеспечения качества проводимых исследований в регионе и, тем самым для того, чтобы помочь местным исследователям успешно интегрироваться в международное научное сообщество. Существует множество способов по развитию понимания этики научного-исследования. К примеру, такое понимание можно развивать посредством системного подхода к организации соответствующих тренингов для студентов, преподавателей и научных сотрудников университетов. Академические программы

магистратуры и докторантуры могут содержать курсы по этике научного исследования, в то время как для преподавателей и научного персонала можно проводить тренинги и семинары.

Этика научного исследования также должна применяться на практике. Для этого университетам необходимо разработать кодексы этики научного исследования, создать советы и процедуры по проведению этической экспертизы научных проектов. Наконец, разработка соответствующих национальных нормативных актов, имеющих обязательную юридическую силу, в отношении исследований, вовлекающих людей в качестве участников, не только в области биомедицины или клинических испытаний, но и в социальных науках, может значительно повлиять на продвижение этики научного исследования в странах Центральной Азии. Однако важно отметить, что простое заимствование принципов и процедур этики исследований, разработанных на Западе, может оказаться неэффективным и даже привести к случаям, когда желание действовать этически может оказаться неэтичным (Wall & Overton, 2006, p. 66).

Другие методологические и этические проблемы, связанные с ограниченным доступом к вторичным данным, а также их ненадежностью. Чтобы решить эти проблемы, необходимо разработать качественную платформу для хранения статистических данных и программных документов в области образования. Университеты же могут систематически обновлять информацию на своих веб-сайтах. Исследователи также сталкивались с трудностями языкового барьера, построения доверия с участниками и распространения научных результатов, которые, в свою очередь, вызывали опасения по поводу конфиденциальности личности участников исследований.

Несмотря на то, что эти проблемы в некоторой степени объясняются политическим, социальным и культурным контекстом стран Центральной Азии, тем не менее, исследователи могут самостоятельно эффективно их решать. Например, принимая решение о проведении исследований в Центральной Азии, исследователи должны помнить несколько ключевых советов. Во-первых, исследование в Центральной Азии, как и исследование в любой другой стране, требует тщательного планирования, отведения достаточного количества времени для согласования доступа и выборки участников, подготовки качественных инструментов сбора данных на языках, на которых говорит местное население.

Для этой цели исследователям необходимо приложить достаточно усилий для перевода и пилотирования инструментов сбора данных. Во-вторых, поскольку при реализации проекта нет никакой гарантии, что все пойдет по плану, для успешного завершения проекта исследователям необходимо проявлять гибкость к возможным непредвиденным изменениям и соответствующим образом адаптировать исследования. Проблемы с ненадежностью вторичных данных и с построением доверия с участниками также приводит к выводу о том, что исследователям необходимо работать с разными источниками данных (data triangulation), а сами данные интерпретировать с учетом странового контекста. Кроме того, исследователи должны прилагать достаточно усилий для установления взаимопонимания с участниками. Достигнуть это возможно, если обсудить с участниками их ожидания от проводимого исследования. Для развития доверительных отношений исследователям, в частности зарубежным, также рекомендуется установить профессиональные контакты с местными учеными, узнать больше о местной культуре и истории, а также продемонстрировать свое желание помочь в продвижении изменений с помощью собственных исследований. Наконец, исследователям, у которых нет необходимых языковых навыков для общения с местным населением, необходимо подойти ответственно к выбору переводчиков или научных ассистентов, так как желательно, чтобы такие помощники не только

свободно владели необходимыми языками, но и понимали этику научного исследования. Для обеспечения конфиденциальности участников исследователи могут также попросить переводчиков и научных ассистентов подписать положения о конфиденциальности или организовать для них подготовку по этике научного исследования. В целом, реализация научных проектов в области образования является сложной в странах Центральной Азии. Однако такие проекты могут принести огромную пользу, если они правильно спланированы и реализованы.

Из проведенного исследования очевидно, что исследователи, как зарубежные, так и местные, прошедшие обучение за рубежом, сталкиваются с многочисленными методологическими и этическими трудностями при проведении полевых исследований в области образования в странах Центральной Азии. Большинство этих проблем обусловлены политическим, социальным и культурным контекстом рассматриваемых стран; однако некоторые из них вызваны ошибками самих исследователей. Хотя результаты, обсуждаемые в этой статье, не допускают широкого обобщения из-за небольшой выборки исследователей, принявших участие в нашем исследовании, они все же вносят определенный вклад в обсуждение этических и методологических проблем, с которыми сталкиваются исследователи за пределами западного контекста, а именно на постсоветском пространстве.

Литература

- 1 Салми, Д. Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса / Д. Салми, И.Д. Фруммин // Вопросы образования. – 2007. – №3. – С. 5-45.
- 2 Korol, A.G. Soviet education for science and technology / A.G. Korol. – Massachusetts: MIT Press, 1957. – 513 p.
- 3 Shamatov, D. Peer review publications for improving scholarship in Central Asia / D. Shamatov, E. Schatz, S. Niyozov // Central Asia Academic Review. – 2010. – №1. – P. 172-179
- 4 De Witt, N. Soviet professional manpower: its education, training, and supply / N. De Witt. – Alexandria: National science foundation, 1955. – 400 p.
- 5 Heynemann, S.P. Three universities in Georgia, Kazakhstan, and Kyrgyzstan: the struggle against corruption and for social cohesion / S.P. Heynemann // Prospects. – 2007. – № 37(3). – P. 305-318
- 6 Niyozov, S. Challenges to education in Tajikistan: the need for research-based solutions / S. Niyozov, S. Bahry // Educational change and reconstruction in societies in transition: international perspectives; ed. J. Earnest, D. Treagust. – Rotterdam: Sense Publishers, 2006. – P. 211-231
- 7 Grant, N. Soviet education / N. Grant. – London: Penguin, 1968. – 192 p.
- 8 Ahn, E. Looking at Kazakhstan's higher education landscape: from transition to transformation between 1920 and 2015 / E. Ahn, J. Dixon, L. Chekmareva // 25 years of transformations of higher education systems in post-soviet countries: reform and continuity; ed. J. Huisman, A. Smolentseva, I. Froumin. – Palgrave Studies in Global Higher Education, 2018. – P. 199-227
- 9 Karakhanyan, S. Armenia: transformational peculiarities of the Soviet and post-Soviet higher education system / S. Karakhanyan // 25 years of transformations of higher education systems in post-soviet countries: reform and continuity; ed. J. Huisman, A. Smolentseva, I. Froumin. – Palgrave Studies in Global Higher Education, 2018. – P. 73-96
- 10 Smolentseva, A. Challenges to the Russian academic profession / A. Smolentseva // Higher education. – 2003. – № 45 (4). – P. 391-424

- 11 Oleksiyyenko, A. On the shoulders of giants? Global science, resource asymmetries, and repositioning of research universities in China and Russia / A. Oleksiyyenko // *Comparative education review*. – 2014. – № 58(3). – P. 482-508
- 12 Ganguli, I. Scientific brain drain and human capital formation after the end of the Soviet Union / I. Ganguli // *International migration*. – 2014. – № 52(5). – P. 95-110
- 13 Graham, L.R. *Science in Russia and the Soviet Union: a short history* / L.R. Graham. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 321 p.
- 14 Kataeva, Z. Faculty challenges and barriers for research and publication in Tajik higher education / Z. Kataeva, A.J. De Young // *European education*. – 2018. – № 50(3). – P. 249-265
- 15 Назарбаев, Н. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее», 17 января 2014 г. https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-17-yanvarya-2014-g
- 16 Рахмон, Э. Выступление по случаю Дня знания, 1 сентября 2014 г. <https://www.president.tj/ru/node/7379>
- 17 Sputnik. Атамбаев: человек науки и труда будет главным ресурсом и достоянием страны, 10 ноября 2016 г. <https://ru.sputnik.kg/society/20161110/1030204290/atambaev-zayavil-cto-pri-sovetskoj-vlasti-v-kr-razvivalas-nauka.html>
- 18 Kuzhabekova, A. Internationalization and local research capacity strengthening: factors affecting knowledge sharing between international and local faculty in Kazakhstan / A. Kuzhabekova, J.T. Lee // *European education*. – 2020, doi:10.1080/10564934.2020.1723422
- 19 Kuzhabekova, A. Productive researchers in countries with limited research capacity: researchers as agents in post-Soviet Kazakhstan / A. Kuzhabekova, D. Mukhamejanova // *Studies in graduate and postdoctoral education*. – 2017. – № 8(1). – P. 30-47
- 20 Kuzhabekova, A. Raising research productivity in a post-Soviet higher education system: a case from Central Asia / A. Kuzhabekova, A. Ruby // *European education*. – 2018. – № 50(3). – P. 266-282
- 21 OECD. *Higher education in Kazakhstan 2017, Reviews of national policies for education*. – Paris: OECD Publishing. – 2017. – 287 p.
- 22 Sievers, E.W. *Academy science in Central Asia 1922-1998* / E.W. Sievers // *Central Asian survey*. – 2003. – № 22(2-3). – P. 253-279
- 23 Шаматов, Д. Публикация статей в журналах с импакт-фактором PhD-студентов Казахстана: современное состояние, проблемы и перспективы развития / Д. Шаматов, Ф.К. Исенова // *Высшая школа Казахстана*. – 2016, – № 3. – С. 66-70
- 24 Mikayilova, E. Facing the research challenges: lessons learned from monitoring studies on education reforms in Azerbaijan / E. Mikayilova, U. Kazimzade // *Reimagining utopias: theory and method for educational research in post-socialist contexts*, ed. I. Silova, N.W. Sobe, A. Korzh, S. Kovalchuk. – Rotterdam: Sense Publishers, 2017. – P. 181-198
- 25 Kuzhabekova, A. Women's progression through the leadership pipeline in the universities of Kazakhstan and Kyrgyzstan / A. Kuzhabekova, A. Almukhambetova // *Compare: A journal of comparative and international education*. – 2019, doi:10.1080/03057925.2019.1599820
- 26 Kuzhabekova, A. Development and transformation of doctoral education in Kazakhstan / A. Kuzhabekova // *Trends and issues in doctoral education: a global perspective*, ed. M. M. Yudkevich, P.G. Altbach, H. De Witt. – Sage Publications, 2020.
- 27 Wall, C. Unethical ethics?: applying research ethics in Uzbekistan / C. Wall, J. Overton // *Development in practice*. – 2006. – № 16(1). – P. 62-67
- 28 Chaschin, M. Developing national systems for research ethics education in Eastern Europe and Central Asia / M. Chaschin, T. Mishatkina, M. Guryleva, S. Pustovit, F. Zagirdinova, B. Sarymsakova // *Pharmaceutical medicine*. – 2008. – № 22(5). – P. 289-295
- 29 Strosberg, M.A. Building research ethics capacity in post-communist countries: experience of two fogarty training programs / M.A. Strosberg, E. Gefenas, S. Loue, S. Philpott // *Journal of empirical research on human research ethics*. – 2013. – № 8(5). – P. 28-39
- 30 Gefenas, E. Non-equivalent stringency of ethical review in the Baltic states: a sign of a systematic problem in Europe? // *Journal of medical ethics*. – 2010. – № 36(7). – P. 435-439
- 31 Katsui, H. The participatory research approach in non-Western countries: practical experiences from Central Asia and Zambia / H. Katsui, M. Koistinen // *Disability and society*. – 2008. – № 23(7). – P. 747-757
- 32 Kutsyuruba, B. Using document analysis methodology to explore educational reforms and policy changes in post-Soviet Ukraine / B. Kutsyuruba // *Reimagining utopias: theory and method for educational research in post-socialist contexts*, ed. I. Silova, N.W. Sobe, A. Korzh, S. Kovalchuk. – Rotterdam: Sense Publishers, 2017. – P. 199-216
- 33 Scott, S. Doing fieldwork in development geography: research culture and research spaces in Vietnam / S. Scott, F. Miller, K. Lloyd // *Geographical research*. – 2006. – № 44(1). – P. 28-40
- 34 De Soto, H.G. *Fieldwork dilemmas: Anthropologists in postsocialist states (Review)* / H. G. De Soto, N. Dudwick. – Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2000
- 35 Chankseliani, M. Charting the development of knowledge on Soviet and post-Soviet education through the pages of comparative and international education journals / M. Chankseliani // *Comparative education*. – 2017. – № 53(2). – P. 265-283
- 36 The Guardian. Canadian researcher released after five weeks in Tajikistan jail. – 2014, <https://www.theguardian.com/world/2014/jul/24/canada-alexander-sodiqov-released-tajikistan>
- 37 Veldwisch, G. Authoritarianism, validity, and security researching water distribution in Khorezm, Uzbekistan / G. Veldwisch, A. Jan // *Fieldwork in difficult environments: methodology as boundary work in developing research*, ed. C.R.L. Wall, P.P. Mollinga. – Reihe: ZEF Development Studies, 2008. – P. 161-177

References

- Ahn, E. S., Dixon, J., & Chekmareva, L. (2018). Looking at Kazakhstan's Higher Education Landscape: From Transition to Transformation Between 1920 and 2015. In *25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries*. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52980-6_8
- Chankseliani, M. (2017). Charting the development of knowledge on Soviet and post-Soviet education through the pages of comparative and international education journals. *Comparative Education*, 53(2). <https://doi.org/10.1080/03050068.2017.1293407>
- Chaschin, M., Mishatkina, T., Guryleva, M., Pustovit, S., Zagirtidinova, F., & Sarymsakova, B. (2008). Developing National Systems for Research Ethics Education in Eastern Europe and Central Asia. *Pharmaceutical Medicine*, 22(5), 289–295. <https://doi.org/10.1007/bf03256718>
- De Soto, H.G., & Dudwick, N. (2000). *Fieldwork Dilemmas: Anthropologists in Postsocialist States* [Review]. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- De Witt, N. (1955). *Soviet professional manpower: Its education, training, and supply*. Alexandria: National Science Foundation.
- Ganguli, I. (2014). Scientific brain drain and human capital formation after the end of the Soviet Union. *International Migration*, 52(5), 95–110. <https://doi.org/10.1111/imig.12165>
- Gefenas, E., Dranseika, V., Cekanaukaite, A., Hug, K., Mezinska, S., Peicius, E., ... Strosberg, M. (2010). Non-equivalent stringency of ethical review in the Baltic States: A sign of a systematic problem in Europe? *Journal of Medical Ethics*, 36(7), 435–439. <https://doi.org/10.1136/jme.2009.035030>
- Graham, L.R. (1994). *Science in Russia and the Soviet Union: A short history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grant, N. (1968). *Soviet education*. London: Penguin.
- Heyneman, S. P. (2007). Three universities in Georgia, Kazakhstan and Kyrgyzstan: The struggle against corruption and for social cohesion. *Prospects*, 37(3), 305–318. <https://doi.org/10.1007/s11125-008-9037-2>
- Karakhanyan, S. (2018). Armenia: Transformational peculiarities of the Soviet and post-Soviet higher education system. In J. Huisman, A. Smolentseva, & I. Froumin (Eds.), *25 Years of transformations of higher education systems in post-Soviet countries* <https://doi.org/10.1007/978-3-319-52980-6>
- Kataeva, Z., & DeYoung, A. J. (2018). Faculty Challenges and Barriers for Research and Publication in Tajik Higher Education. *European Education*, 50(3). <https://doi.org/10.1080/10564934.2017.1408417>
- Katsui, H., & Koistinen, M. (2008). The participatory research approach in non-Western countries: Practical experiences from Central Asia and Zambia. *Disability and Society*, 23(7), 747–757. <https://doi.org/10.1080/09687590802469248>
- Korol, A.G. (1957). *Soviet education for science and technology*. Massachusetts: MIT Press.
- Kutsyuruba, B. (2017). Using document analysis methodology to explore educational reforms and policy changes in post-Soviet Ukraine. In I. Silova, N.W. Sobe, A. Korzh, & S. Kovalchuk (Eds.), *Reimagining utopias: Theory and method for educational research in post-socialist contexts (199-216)*. Rotterdam: Sense Publishers
- Kuzhabekova, A. (2020). Development and transformation of doctoral education in Kazakhstan. In M.M. Yudkevich, P.G. Altbach, & H. De Witt (Eds.), *Trends and issues in doctoral education: A global perspective*.
- Kuzhabekova, A., & Almukhambetova, A. (2019). Women's progression through the leadership pipeline in the universities of Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Compare*, 00(00), 1–19. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1599820>
- Kuzhabekova, A., & Lee, J. T. (2020). Internationalization and Local Research Capacity Strengthening : Factors Affecting Knowledge Sharing Between International and Local Faculty in Kazakhstan Strengthening : Factors Affecting Knowledge Sharing Between International and Local Faculty in Kazak. *European Education*, 0(0), 1–15. <https://doi.org/10.1080/10564934.2020.1723422>
- Kuzhabekova, A., & Mukhamejanova, D. (2017). Productive researchers in countries with limited research capacity: Researchers as agents in post-Soviet Kazakhstan. *Studies in Graduate and Postdoctoral Education*, 8(1), 30–47. <https://doi.org/10.1108/SGPE-08-2016-0018>
- Kuzhabekova, A., & Ruby, A. (2018). Raising Research Productivity in a Post-Soviet Higher Education System: A Case From Central Asia. *European Education*, 50(3), 266–282. <https://doi.org/10.1080/10564934.2018.1444942>
- Mikayilova, E. Facing the research challenges: Lessons learned from monitoring studies on education reform in Azerbaijan. In I. Silova, N.W. Sobe, A. Korzh, & S. Kovalchuk (Eds.), *Reimagining utopias: Theory and method for educational research in post-socialist contexts, (181-198)*. Rotterdam: Sense Publishers
- Nazarbayev, N. (2014). Poslaniye Prezidenta Respubliki Kazakhstan narodu Kazakhstana «Kazakhstanskiy put' – 2050: Yedinaya tsel', yedinye interesy, yedinoe budushcheye», 17 yanvarya [Address of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the Nation. January 17.] https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-17-yanvarya-2014-g (in Russian)
- Niyozov, S., & Bahry, S. (2019). Challenges to Education in Tajikistan: The Need for Research-Based Solutions. *Education Reform in Societies in Transition*, (January), 211–231. https://doi.org/10.1163/9789087901028_015
- OECD. (2017). *Higher Education in Kazakhstan 2017*.
- Oleksiyenko, A. (2014). On the shoulders of giants? Global science, resource asymmetries, and repositioning of research universities in China and Russia. *Comparative Education Review*, 58(3), 482–508. <https://doi.org/10.1086/676328>
- Rakhmon, E. (2014). Vystuplenie po sluchayu Dnya znaniya [Address on the day of knowledge]. <https://www.president.tj/ru/node/7379> (In Russian)

- Salmi, J., & Froumin, I. (2007). Rossijskie vuzy v konkurencii universitetov mirovogo klassa [Russian higher education institutions in the competition with world-class universities]. *Voprosi Obrazovaniya*, 3, 5-45 (In Russian)
- Scott, S., Miller, F., & Lloyd, K. (2006). Doing fieldwork in development geography: Research culture and research spaces in Vietnam. *Geographical Research*, 44(1), 28–40. <https://doi.org/10.1111/j.1745-5871.2006.00358.x>
- Shamatov, D., & Issenova, F. (2016). Publikaciya statej v zhurnalakh s impakt-faktorom PhD-studentov Kazahstana: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya [Publishing impact-factor papers by PhD-students in Kazakhstan: the contemporary state, issues, and development prospects]. *Vyssshaya Shkola Kazahstana*, 3, pp. 66–70. (In Russian)
- Shamatov, D., Schatz, E., & Niyozov, S. (2010). Peer-Review Publications for Improving Scholarship in Central Asia. *AUCA Academic Review*, (14), 172–179.
- Sievers, E. W. (2003). Academy science in Central Asia 1922-1998. *Central Asian Survey*, 22(2–3), 253–279. <https://doi.org/10.1080/0263493032000157762>
- Smolentseva, A. (2003). Challenges to the Russian academic profession. *Higher Education*, 45(4), 391–424. <https://doi.org/10.1023/A:1023954415569>
- Sputnik. (2016). Atambaev: chelovek nauki i truda budet glavnyim resursom i dostoyaniem strany [Atambaev: an individual with knowledge and skills will be the most important resource and asset of the country]. <https://ru.sputnik.kg/society/20161110/1030204290/atambaev-zayavil-chto-pri-sovetskoj-vlasti-v-kr-razvivalas-nauka.html>
- Strosberg, M. A., Gefenas, E., Loue, S., & Philpott, S. (2013). Building research ethics capacity in post-communist countries: Experience of two fogarty training programs. *Journal of Empirical Research on Human Research Ethics*, 8(5), 28–39. <https://doi.org/10.1525/jer.2013.8.5.28>
- The Guardian. (2014). Canadian researcher released after five weeks in Tajikistan jail <https://www.theguardian.com/world/2014/jul/24/canada-alexander-sodiqov-released-tajikistan>
- Veldwisch, G. (2008). Authoritarianism, validity, and security researching water distribution in Khorezm, Uzbekistan. In C.R.L. Wall, & P.P. Mollinga (Eds.), *Fieldwork in difficult environments: Methodology as boundary work in developing research* (161-177). Reihe: ZEF Development Studies
- Wall, C., & Overton, J. (2006). Unethical ethics?: Applying research ethics in Uzbekistan. *Development in Practice*, 16(1), 62–67. <https://doi.org/10.1080/09614520500450834>